

18+

A woman with dark hair, seen from the back and side, looks out over a fantastical city at night. She wears a dark, ornate dress with a low back. The city is illuminated with warm lights, featuring domes, spires, and a river with bridges. A large, glowing heart-shaped symbol is visible in the sky, surrounded by intricate golden patterns. A lantern is visible in the foreground on the right.

Сердце Атлантиды

Вероника Бардова

Вероника Бардова

Сердце Атлантиды

«Издательские решения»

Бардова В.

Сердце Атлантиды / В. Бардова — «Издательские решения»,

Алиса Иванова живёт обычной жизнью, пока однажды не открывает дверь в таинственной книжной лавке. За ней скрывается Атлантида — город, обречённый на гибель. Здесь её называют Алисеей, а загадочный Астерион утверждает, что они связаны судьбой через множество жизней. Чтобы спасти мир и разорвать бесконечный цикл катастроф, Алисе предстоит вспомнить своё прошлое и сделать выбор, цена которого окажется слишком высокой.

© Бардова В.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Ошибка реальности	7
Глава 2. Книжная лавка господина Мейснера	10
Глава 3. Последствия	15
Глава 4. По ком звонит колокол	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сердце Атлантиды

Вероника Бардова

© Вероника Бардова, 2026

ISBN 978-5-0070-5525-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Ошибка реальности

Алиса Иванова давно уже не помнила, когда последний раз просыпалась по-настоящему отдохнувшей. Каждый день начинался одинаково: без пятнадцати семь будильник издавал тихий, почти виноватый звук, будто извиняясь за то, что снова вытаскивает её из короткого, беспокойного сна. Она вставала, варила кофе в маленькой медной турке, добавляла щепотку кардамона и смотрела, как тёмная жидкость медленно кружится, словно пытается что-то шепнуть. Два тоста с авокадо, проверка ночных рендеров в DaVinci Resolve. Пока машина считала шумоподавление на последнем клипе, она успевала ответить на три сообщения в Telegram-канале студии и вычеркнуть из блокнота одну задачу из вчерашнего списка. И чувствовала, как привычная усталость снова обволакивает её, точно старое, потрепанное жизнью пальто.

Её жизнь была ровной. Утром — брифы и кастинг AI-артистов, споры о том, насколько «живыми» должны быть глаза персонажей. Днём — монтаж, цветокоррекция, поиск идеального света, который никогда не бывает идеальным. Вечером — возвращение в однушку на Петроградской стороне, где окна выходили на старый двор-колодец. Иногда она выходила на крошечный балкон, облокотившись на холодные перила, и слушала, как город внизу дышит приглушённо, словно прячет свои настоящие голоса.

В тот вечер она решила не оставаться дома. Купила в «Теремке» блинчик с клюквой, сунула его в пакет и медленно пошла к воде. Не к широкой, шумной Неве — туда она ходила, когда хотела почувствовать себя частью большого города. Сегодня ей нужна была тишина. Маленький канал за Марсовым полем, почти забытый, где гранитные парапеты поросли мхом, а фонари горели тускло, как старые свечи.

Вода была абсолютно чёрной. Густой, маслянистой, словно не отражала свет, а поглощала его. Алиса села на холодный камень, поставила рядом пакет с пирожками и достала термос. Чай был горячим, с лёгкой горечью полыни. Она добавляла полынь «для нервов» уже третий месяц, хотя не помнила, кто впервые посоветовал ей эту странную горечь. Она размешивала его медленно, глядя на поверхность воды. И вот тогда это началось.

Сначала в отражении канала она увидела своё лицо — усталое, с тёмными кругами под глазами. Обычное. Привычное. Но чем дольше она смотрела, тем сильнее казалось, что за её отражением есть ещё одно. Глубже. Чьё-то другое. Глаза... Более яркие, почти светящиеся изнутри. Губы шевелились, хотя Алиса молчала. На долю мгновения ей показалось, что это отражение улыбается ей — медленно, печально, как старый знакомый, которого она давно забыла.

Алиса моргнула. Отражение вернулось к ней.

Она снова уставила взгляд на канал. Вода была неподвижна. Ни единой ряби, хотя лёгкий ветерок шевелил волосы на висках. В глубине, там, где свет фонарей угасал, словно растворяясь в чёрной толще, начали проступать силуэты. Нет, нет. Это были не рыбы, не ил, не камни, покоившиеся на дне. Что-то похожее на человеческие фигуры, плывущие вверх ногами. Медленно. Грациозно. Как будто там, под толщей воды, существовал целый перевернутый мир, живущий своей жизнью.

Один из силуэтов приблизился. Алиса почувствовала, как холод поднимается по позвоночнику. Лицо под водой было смутным, но в нём угадывались знакомые черты. Её собственные? Или чьи-то ещё? Она не могла разобрать. Сердце стучало тяжело, глухо, как далёкий барабан в пустом зале.

Вдруг поверхность канала дрогнула — хотя ветра не было. По воде прошла лёгкая, почти незаметная волна, и на мгновение Алиса увидела, как в отражении фонарей вместо жёлтых огней горят холодные голубые звёзды. Небесные. Чужие.

Она резко моргнула. Раз. Другой. Третий.

Всё исчезло. Вода снова была просто чёрной, спокойной, обычной. Фонари отражались привычными жёлтыми полосами. Блинчик остывал в пакете. Термос упал, и из него тоненькой струйкой вытекал чай.

Алиса долго сидела неподвижно, сжимая тёплый стаканчик обеими руками. В груди пульсировало странное, тягучее чувство — смесь страха и почти болезненного узнавания.

«Мне показалось», — прошептала она вслух, и её голос прозвучал слишком громко в тишине канала. — «Переработала. Опять».

Но даже произнося эти слова, она знала, что уже не до конца верит им. Вода всё ещё смотрела на неё. Тихо. Терпеливо. Как будто ждала, когда Алиса моргнёт в следующий раз.

Глава 2. Книжная лавка господина Мейснера

Долго ещё сидела Алиса на холодном граните, сжимая в руках остывший стаканчик, пока белая ночь, эта бледная, бессонная призрачность Петербурга, вновь не сомкнулась вокруг неё. Чай пролился, оставив на камне тёмное пятно, похожее на кровь.

Алиса поднялась, точно сомнамбула, и побрела домой пешком — через мосты, через спящие улицы, где даже в летних сумерках воздух был тяжёл и влажен, как саван. Ноги сами несли её сквозь белую, призрачную ночь Петербурга — ночь, которая в июне не желает становиться тьмой и лишь притворяется сумерками, чтобы измучить душу. Она шла пешком, сжимая в руке остывший термос, и каждый шаг отдавался в висках глухим, тревожным эхом. Лужи после дневного дождя блестели, точно зеркала, разбитые и брошенные на мостовую. И в каждой из них — о, как мучительно она старалась не смотреть! — мелькало что-то не своё. Чьё-то лицо. Чья-то улыбка. Глаза, которые не моргали.

Она ускоряла шаг. Но лужи следовали за ней, как верные псы, и в каждой отражалось то, чего не должно было быть.

Дом на Петроградской стороне был уже совсем рядом. Алиса могла пройти этот путь с закрытыми глазами. Она знала каждый облупленный фасад, каждый двор-колодец, каждый запах мокрого кирпича и старой штукатурки, который поднимался от стен после дождя. Но, свернув за последний угол, она остановилась.

Что-то изменилось. Белая ночь исчезла. Не постепенно, не так, как меркнет вечерний свет перед рассветом. Она словно оборвалась. Будто кто-то накрыл город огромным чёрным колпаком. Воздух стал тяжелее.

Фонари ещё горели, но их свет словно утратил силу. Жёлтые круги под ногами дрожали и растворялись в тумане, который стелился по мостовой густыми серыми лентами.

Алиса машинально посмотрела на небо. Ни звёзд. Ни луны. Только темнота, такая плотная, что казалось — протяни руку, и коснёшься её пальцами.

И тогда она увидела лавку. Небольшую книжную лавку, зажатую между двумя домами. Вчера её здесь не было, в этом Алиса была уверена. На этом месте находилась старая арка с заколоченным проходом. Она проходила здесь сотни раз. Но теперь в стене показалась узкая дверь из потемневшего дерева. Над ней покачивалась вывеска: «Книжная лавка А. Мейснера». Выцветшие золотые буквы поблёскивали в мутном свете фонаря, а за окном теплился слабый огонёк. Словно внутри горела единственная свеча.

Алиса почувствовала неприятный холод между лопатками. Нужно было идти домой. Прямо сейчас. Подняться по лестнице, запереть дверь квартиры, сделать чай и убедить себя, что всё произошедшее ей померещилось. Но вместо этого она шагнула вперёд. Потом ещё раз. И ещё. Словно кто-то незаметно подтягивал её к двери тонкой невидимой нитью.

Дверь открылась без скрипа, будто ждала именно её. Внутри пахло старой бумагой, ладаном и чем-то ещё — сладковатым запахом тления. Полки уходили в полумрак, заставленные томами в потрёпанных кожаных переплётах. За небольшим столом сидел старик с лицом, похожим на высохший пергамент.

Старик поднял взгляд от книги:

— Поздно гуляете.

Алиса моргнула. Из всех возможных слов она ожидала услышать что угодно, только не это:

— Простите?

— Я говорю, поздно, — повторил старик. — Для книжных магазинов особенно.

Он аккуратно заложил страницу полоской пожелтевшей бумаги и закрыл книгу:

— Хотя сейчас время вообще странная штука.

Старик поднялся и подошёл к самовару.

— Чай будете?

— Нет, спасибо. — Вежливо отказалась Алиса, но старик уже разливал его по чашкам.

— Будете.

Что-то внутри Алисы говорило ей бежать домой изо всех ног, но вместо этого она почему-то присела в мягкое старое кресло.

Старик поставил перед ней чашку. От горячего фарфора поднимался тонкий пар, пахнувший горечью трав.

Алиса осторожно понюхала чай:

— Полынь? Я её не то, чтобы люблю...

Старик улыбнулся:

— Да ее никто не любит!

Он сел напротив. Стул под ним тихо скрипнул. На мгновение лавка погрузилась в тишину. Где-то далеко, за книжными рядами, размеренно тикали часы. Или ей только казалось, что тикали. В этом месте она уже ни в чём не была уверена.

— Что это за место? — наконец спросила Алиса.

Старик поднял бровь:

— Книжный магазин.

— Вы понимаете, о чём я. — Голос Алисы опустился до шепота.

Старик кивнул:

— Понимаю. — Он сделал маленький глоток. — Но вы задаёте неправильный вопрос.

— А какой правильный? — Удивилась Алиса. Она поставила чашку на стол и внимательно посмотрела на старика.

— Почему вы вообще сюда вошли?

Алиса открыла рот и тут же закрыла его. Ответа не было.

Старик кивнул, словно именно этого и ждал:

— Вот видите.

Алиса пожала плечами:

— Я просто увидела вывеску.

— Нет. — Старик посмотрел ей прямо в глаза. — Вы увидели лавку.

Алиса почувствовала, как по спине пробежал холодок:

— А, что, другие её не видят?

— Большинство проходят мимо. — Спокойно ответил старик и отхлебнул из чашки.

— Почему?

Старик пожал плечами:

— Потому что им везёт.

Повисла пауза. Алиса решила нарушить ее:

— Вы всех посетителей поите чаем?

— Только тех, кто выглядит так, будто сейчас потеряет сознание.

— Значит, я плохо выгляжу?

— Значит, вы видели что-то нехорошее.

— А вы откуда знаете?

— Ко мне обычно приходят именно после этого.

— Это началось неделю назад, — сказала Алиса, вертя чашку в руках. — Сначала я думала, что просто не высыпаюсь.

— Все так думают.

— А потом увидела что-то в воде.

Старик не удивился. Даже не спросил что именно. Только кивнул. Словно слышал подобное уже сотни раз. — Все так начинают. — Ответил старик. Она нервно усмехнулась.

— Звучит так, будто у вас есть статистика.

— Есть.

— И много таких, как я?

Старик посмотрел в окно.

За стеклом клубился туман.

— Больше, чем хотелось бы.

Алиса обвела взглядом лавку. Теперь, когда первая тревога немного отступила, она заметила то, что раньше ускользало от внимания. В глубине помещения, между высокими книжными стеллажами, темнела узкая чёрная дверь. Она была совсем неприметной. Без ручки, без таблички. Лишь с едва заметной замочной скважиной. Будто её специально старались не замечать. И всё же взгляд снова и снова возвращался к ней.

— А там что?

Старик даже не повернул головы.

— Кладовка.

— Врёте.

Впервые за вечер в уголках его глаз собрались морщинки.

— Да.

— Тогда что там? — Настойчиво спросила Алиса еще раз.

Старик медленно провёл пальцем по краю чашки. Тонкий фарфор тихо звякнул.

— Иногда лучше не знать ответа.

— Это не ответ! — воскликнула Алиса

Старик пожал плечами: — Других у меня нет.

Алиса посмотрела на дверь. Та словно стала ещё темнее.

— Вы поэтому держите её запертой?

— Нет.

— Тогда почему?

Старик вздохнул. Усталость в этом вздохе была такой глубокой, словно он повторял этот разговор уже не первый десяток лет.

— Потому что люди путают любопытство с необходимостью. — Он поднял глаза. — И почти всегда жалеют об этом.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Потом старик отвёл взгляд и поднялся:

— Кажется, привезли новые книги. Надо разобрать.

Он скрылся за дверью в соседней комнате. Там что-то негромко зашуршало, задвигалось, словно кто-то перекладывал тяжёлые тома. Алиса осталась одна. Она встала и медленно пошла вдоль стеллажей.

Книги стояли плотно, плечом к плечу, как молчаливые свидетели чего-то давно забытого. На корешках поблёскивали потускневшие буквы. Некоторые названия она могла прочитать. Некоторые были написаны на языках, которых никогда не существовало. Или существовало слишком давно. Пальцы скользили по коже переплётов. Тёплой. Почти живой.

Где-то наверху тихо скрипнула полка. А потом что-то тяжёлое сорвалось вниз. Книга ударилась о деревянный пол с глухим стуком.

Алиса вздрогнула. Толстый том в чёрном переплёте лежал у самых её ног. Без названия. Без имени автора. Словно эту книгу никогда не печатали. Словно она просто появилась.

Из соседней комнаты выглянул старик. Он бросил на книгу всего один взгляд. И почему-то совсем не удивился:

— Кажется, она тебя выбрала.

— Простите? — Алиса недоуменно посмотрела книгу.

— Или ты её. — Старик пожал плечами. — Так бывает.

Старик снова скрылся за дверью.

Алиса подняла книгу. Переплёт оказался неожиданно холодным. Будто книга пролежала всю ночь на снегу. Она раскрыла её. Страницы были испещрены странными знаками. Изломанными, колючими, невозможными. На них было неприятно смотреть. Глаза пытались скользнуть мимо. Но чем дольше Алиса вглядывалась, тем понятнее становились символы. Что-то внутри словно настраивалось на их ритм. Линии менялись, сдвигались, перестраивались.

И вдруг она поняла, что читает знакомый русский язык: «В те далёкие времена люди жили в гармонии с природой. Деревья шептали им секреты, реки пели колыбельные, а звёзды спускались по ночам, чтобы говорить с избранными. Не было шума городов, бесконечной спешки и усталости, которая оседает на душе, словно сырая осенняя морось...»

Алиса замерла. Страница дрожала в её руках. Ей вдруг показалось, что она помнит запах этих лесов. Помнит холод речной воды на ладонях. Помнит огромные звёзды. Словно когда-то они действительно спускались к земле.

— Нелепость. Бред. — пробормотала она себе под нос и резко захлопнула книгу. Звук выстрелом раскатился по лавке. Сердце колотилось так сильно, что отдавалось в висках.

И тогда Алиса снова посмотрела на чёрную дверь. На этот раз что-то изменилось. На столе возле неё лежал ключ. Тяжёлый. Железный. С причудливой резьбой вдоль стержня. Алиса была готова поклясться, что ещё несколько минут назад его там не было. Она оглянулась. Старика не было видно. Только глухой звук переставляемых книг где-то за стеной. Ключ тускло поблёскивал в полумраке. Словно ждал.

Алиса знала, что не должна этого делать. Знала, что именно так и начинаются все плохие истории, но пальцы сами сомкнулись вокруг ключа. Металл оказался ледяным. Не просто холодным — таким, будто ключ только что вынули из зимней реки.

Алиса вздрогнула. На мгновение ей показалось, что все звуки стихли. Лавка словно затаила дыхание. Алиса оглянулась. Старика нигде не было. Только бесконечные ряды книг, теряющиеся в полумраке.

Ключ легко вошёл в замочную скважину. Слишком легко. Будто его ждали. Сердце гулко ударило в груди. Ещё не поздно. Можно положить ключ обратно. Можно уйти. Можно сделать вид, что ничего не произошло. Вместо этого она повернула ключ в замке.

Щёлк.

Звук получился неожиданно громким. Он прокатился по лавке и затих где-то между стеллажами. Дверь распахнулась. За ней не было комнаты. Только свет. Холодный. Ослепительный. Бесконечный. И когда Алиса шагнула назад, было уже поздно.

Глава 3. Последствия

Алиса села на кровати, хватая ртом воздух. Будильник надрывался на тумбочке. Без четверти семь. Несколько секунд Алиса просто сидела в темноте, пытаясь понять, где находится. Сердце билось так сильно, что звенело в ушах.

За окном шумел дождь. Где-то наверху двигали мебель. Соседский пёс снова выл... Обычное утро.

Взгляд Алисы упал на тумбочку, где лежала та самая книга. Чёрный переплёт. Ни названия. Ни имени автора. Она лежала на тумбочке так спокойно, словно находилась там всегда.

Алиса замерла. Медленно протянула руку и взяла книгу на колени. Кожа под пальцами оказалась холодной, почти ледяной. Нужно было испугаться. Нужно было вызвать полицию. Психиатра. Священника. Хоть кого-нибудь. Нормальные люди именно так и поступают.

Вместо этого она сидела и не могла отвести взгляд: «Если бы книга исчезла прямо сейчас, я бы расстроилась».

Мысль пришла неожиданно. И от этого стала ещё неприятнее.

«Я должна хотеть, чтобы это оказалось сном».

Но она не хотела. Не совсем. Страх был настоящим. Но под ним скрывалось что-то ещё.

«Любопытство?» — Нет. Не любопытство.

«Надежда...» — От этой мысли стало совсем не по себе.

Тридцать лет. Правки к макетам, которые через неделю никто не вспомнит. Созвоны, которые можно было заменить двумя сообщениями. Задачи со статусом «срочно», исчезающие из памяти сразу после выполнения. Одни и те же маршруты. Одни и те же лица. Одни и те же дни.

Иногда ей казалось, что жизнь давно превратилась в аккуратно оформленную презентацию. Красивую. Понятную. И совершенно пустую внутри.

И вот теперь рядом лежала невозможная книга. Книга, которой не существовало. Книга, которая нарушала все правила. И какая-то тёмная часть её души шептала:

«Наконец-то!»

Она открыла книгу. Символы задвигались, складываясь в строки. Чем дальше она читала, тем сильнее сжималось горло. Истории были мучительно знакомы — не как прочитанные, а как прожитые в другой жизни. Леса, шепчущие секреты. Реки, поющие колыбельные. Разлука. Предательство. Падение.

Чем дольше она читала, тем сильнее росло неприятное чувство. Словно текст не рассказывал историю. Словно он что-то напоминал. Страх, холодный и липкий, пополз по спине.

Алиса резко захлопнула книгу. Тишина ударила по ушам.

— Нет.

Она поднялась.

— Нет-нет-нет.

Книга осталась лежать на столе. Несколько секунд Алиса смотрела на нее.

— Нужно вернуть тебя обратно!

Но когда она вышла на улицу, лавки за углом не было. Только мокрый асфальт, лужи и серый, бесконечный дождь. День был выходным, и ноги сами понесли её сквозь пелену дождя, который не освежал, а лишь пропитывал душу сыростью.

«Господи, что я вообще делаю? — Алиса поправила ремень сумки. Книга внутри словно стала тяжелее. — У меня ипотека. Три незакрытых задачи. Подписка на облако, которую я забываю отменить уже второй год. Моя жизнь спокойная и размеренная...»

Она нервно усмехнулась.

«А я иду искать книжную лавку, которой вообще не должно существовать. Любой психотерапевт сказал бы, что дело в стрессе. Любой врач — что дело в переутомлении. Любой разумный человек согласился бы с ними!»

Хуже всего было то, что разумные объяснения её больше не устраивали. Стресс. Переутомление. Галлюцинации. Всё это звучало слишком удобно. Слишком безопасно. Слишком похоже на дверь, которую можно захлопнуть и снова вернуться к прежней жизни.

Дождь барабанил по асфальту. Лужи дрожали от капель. Алиса старалась смотреть под ноги. Но всё равно заметила. В одном из отражений что-то было не так. Она остановилась. Посмотрела ещё раз.

Вот она, Алиса. Пустая улица. Фонарь. Старый дом. И... мужчина.

Алиса резко обернулась. Позади никого не было. Алиса моргнула. Отражение снова стало обычным.

Ноги сами несли её по городу. Она шла быстро, почти бежала, пока не добралась до того самого канала, где все началось. Она подошла к самому краю мостовой.

Вода была чёрной. Почти неподвижной. Словно не было никакого дождя. Будто под ней вообще ничего не было.

Алиса наклонилась. В отражении сидел человек. Не она. Он писал что-то за столом. Перо быстро скользило по бумаге. Мужчина вдруг поднял голову. И посмотрел прямо на неё.

Мужчина был ей незнаком. И всё же сердце болезненно сжалось. Так бывает, когда вдруг слышишь давно забытую мелодию. Или встречаешь человека, которого никогда не видел. Но почему-то скучал по нему всю жизнь.

Она смотрела на воду и вдруг поймала себя на мысли, которую никогда не произнесла бы вслух. Ни друзьям. Ни коллегам. Ни даже самой себе.

«А что если я не хочу, чтобы это закончилось? Потому что если это закончится, останется только моя прежняя жизнь».

Мысль была настолько неправильной, что Алиса даже оглянулась. Будто кто-то мог её услышать. Будто кто-то вообще должен был услышать.

Алиса осталась. Потому что впервые за очень долгое время чувствовала не усталость. Не тревогу. Не раздражение. А что-то похожее на жизнь.

Она посмотрела на гладь воды ещё раз. Но ничего не произошло. Лишь капли дождя вызывали круги на воде.

Дождь хлестал по лицу. Ноги несли её дальше, сквозь лабиринт старых дворов-колодцев. Несколько раз ей казалось, что она заблудилась. Несколько раз она собиралась развернуться. Но каждый раз замечала впереди что-то знакомое: арку, фонарь, облупленную стену. Словно город незаметно вел её куда-то.

За следующим поворотом она увидела вывеску. Потускневшие золотые буквы: «Книжная лавка А. Мейснера».

Алиса остановилась.

До этого момента она ещё могла убедить себя, что всё происходящее имеет разумное объяснение. Теперь — уже нет.

Дверь была приоткрыта. Старик посмотрел на книгу. Потом на Алису. И впервые за всё время она увидела в его глазах тревогу. Настоящую.

— Я говорил тебе, — тихо произнёс он. — Не следовало открывать ту дверь...

Глава 4. По ком звонит колокол

«Никогда не спрашивай, по ком звонит колокол. Он звонит по тебе».

— Джон Донн

Алиса стояла посреди лавки, сжимая книгу так крепко, что костяшки пальцев побелели. Господин Мейснер наблюдал за ней из-за прилавка. Некоторое время они молчали.

Где-то в глубине магазина тихо тикали часы.

Тик.

Так.

Тик.

Так.

Слишком медленно. Слишком громко.

— Я говорил тебе, — тихо произнёс старик. — Не следовало открывать ту дверь...

— Отлично. — Алиса нервно рассмеялась. — Просто замечательно. Может быть, теперь вы наконец объясните мне, что происходит?

Старик Мейснер долго молчал. Он закрыл входную дверь и повернул ключ.

— Боюсь, если бы я мог это объяснить, всё было бы гораздо проще.

— Не начинайте. — Алиса закатила глаза.

— Что именно?

— Вот это ваше вечное «лучше не знать», «не задавайте вопросов», «не открывайте двери». — передразнила она старика.

Впервые Мейснер отвёл взгляд:

— Потому что люди всегда задают один и тот же вопрос.

— И какой же?

— Почему это происходит со мной?

Алиса стиснула зубы.

— А правильный вопрос совсем другой, — продолжал старик.

— Какой?

Мейснер посмотрел на книгу. И неожиданно спросил:

— Что ты увидела перед тем, как нашли лавку?

Алиса замерла. Перед глазами снова возникла чёрная вода. Лицо. Чужая улыбка. Голубые звёзды в отражении.

— Воду.

Старик кивнул, словно услышал именно то, чего ожидал.

— Все начинается с воды.

— Что это значит? — Алиса нетерпеливо шагнула в его сторону.

— Не знаю. — Пожал плечами Мейснер.

— Но вы только что сказали...

— Я сказал, что все начинается с воды. — Перебил он ее.

Старик медленно провёл пальцами по корешку одной из книг.

— А заканчивается всегда по-разному.

Повисла неловкая пауза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.